

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. КРАСНЫЕ КЛЕТОЧКИ.	5
ГЛАВА 2. «ЗАКРЫТАЯ КОМНАТА» В ИДЗАКАЕ	35
ГЛАВА 3. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ В БАССЕЙНЕ	89
ГЛАВА 4. ИХ ТРИДЦАТЬ ТРИ!	144
ГЛАВА 5. ПРИЗРАЧНАЯ ЖЕНЩИНА	163
ЭПИЛОГ. ЗАГАДКА ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ	222
БИБЛИОГРАФИЯ	285

ГЛАВА 1

КРАСНЫЕ КЛЕТОЧКИ

1

— Сегодня утром синий тигр приходил, — сказал Каэдэ ее дед. — И как только дверную ручку повернул?! Ловкий какой.

Похоже, деда удивило не столько появление в кабинете тигра, да еще с синей шерстью, сколько то, что тигр умудрился открыть входную дверь.

— Хорошо еще, что не слопал, — решила пошутить Каэдэ.

Но на самом деле повторение все той же истории расстроило ее. Деда она навещала раз в неделю, и обычно в это время он дремал. А если она изредка заставляла его бодрствующим, опять начинались рассказы о том, что ему привиделось. Теперь разговор будет продолжаться в том же духе, пока Каэдэ не уйдет домой, и как следует побеседовать о чем-нибудь серьезном им уже не удастся.

Но все равно она делала вид, будто вежливо и внимательно слушает историю о синем тигре, и то и дело кивала и поддакивала. Потому что ничем другим не дорожила так, как временем, проведенным в этом доме, который принадлежал не только деду, но и ее родителям.

— ...А тигр тогда... — продолжал дед, изобразив, как тигр шагает, ставя передние лапы крест-накрест. — И когда уходил, на морде у него в самом деле играла улыбка.

— Тигр улыбался?

«Эх, ну вот опять», — подавила она невеселую усмешку. Речь шла о зрительной галлюцинации, маловероятной в реальности, однако не заслушаться было невозможно. Так что, если поначалу Каэдэ лишь притворялась внимательной, рассказчиком дед был настолько искусным, что всякий раз мир его историй незаметно увлекал и затягивал ее. Вот и сегодня ей даже почудилось, что синий тигр и впрямь выскакивал из какой-нибудь иллюстрации в одной из книг на стеллажах.

Лишь выговорившись, дед, кажется, успокоился. Его веки медленно опустились.

В этой комнате, устроившись в кресле-реклайнере с электроприводом, дед просиживал целыми днями. Для него, рослого и худощавого, намеренно было выбрано кресло размером побольше, и все же избежать досадного просчета не удалось: реклайнер оказался гораздо удобнее, чем ожидалось, поэтому дед с него почти не вставал. К столику сбоку от кресла он прислонял деревянную трость, передвигаться без которой был не в состоянии. Но от помощницы по уходу, по совету которой и была приобретена трость, Каэдэ приходилось выслушивать жалобы вперемешку со вздохами — мол, если дед, когда ему надо в туалет, тростью еще пользуется, то напрочь забывает про нее и явно тяготится ею, когда встает, чтобы взять с полки книгу, вот она, помощница, и тревожится, как бы он не упал.

«Книги-то он по-прежнему любит, но вряд ли за содержание... Как будто он почти не в состоянии

удержать его в голове», — мелькнула у Каэдэ тоскливая мысль.

В кабинете, битком набитом книгами, до сих пор витал застарелый запах типографской краски. Он вызывал у Каэдэ воспоминания о ее излюбленной улице в квартале Дзимботё, где размещались лавки букинистов.

Она и не заметила, как солнечный свет, пробившись сквозь листву и заглянув в окно, лег на лицо спящего деда пятнистым маскировочным рисунком. На этом лице, в возрасте семидесяти одного года, почему-то без каких-либо признаков пигментации, крупный гордый нос и обозначившиеся в углах глаз морщинки образовали сложную светотень. По сравнению с прежними временами щеки похудели, подбородок заострился, и это лишь усиливало впечатление глубоких складок на лице. Довольно густые длинные волосы, разделенные на прямой пробор над широким лбом, были седыми почти на три четверти, остальные же были все еще черными. Переход оттенков придавал этому лицу сходство с чеканным императорским профилем на древнеримской монете.

Вид у старика был внушительный, причем не только на благосклонный взгляд внучки.

«Наверняка он многим нравился», — Каэдэ тихонько подтянула сбившийся плед, прикрывая худую шею деда.

Закончить уборку и разбрызгать антибактериальный спрей с запахом мыла, стараясь не попадать на стеллажи с книгами, она успела как раз к приходу физиотерапевта и сеансу реабилитации. Этот спрей не только способствовал поддержанию чистоты в комнате. Деду часто мерещились мелкие насекомые вроде комаров. В таких случаях спрей служил заменой инсектициду.

«Пока, дедушка. До свидания».

У двери кабинета стоял туалетный столик с зеркалом, доставшийся Каэдэ от покойной бабушки.

«Интересно, существует ли в отличие от возрастного регресса еще и возрастной прогресс?»

Особую изысканность туалетному столику придавала косметика сложных оттенков, которая скопилась в рельефном рисунке древесины за все время, пока за ним красились.

Каэдэ вынула из выдвижного ящика щетку, наскоро пригладила волосы, посмотрелась в зеркало и соорудила гримасу.

«Улыбнись».

Прежнюю дверь кабинета, сделанную из прочного дуба, во время ремонта заменили на раздвижную, готовясь к тому, что рано или поздно дед не сможет обходиться без инвалидного кресла.

Прежде чем покинуть дом деда в Химонъя, Каэдэ постаралась прикрыть дверь как можно осторожнее, чтобы не издать ни звука.

2

На обратном пути, пока Каэдэ тряслась в поезде, идущем по линии Тоёко, она случайно бросила взгляд на свое отражение в вагонном окне и увидела совершенно отрешенное лицо. От улыбки, которую она с таким трудом изобразила, даже воспоминаний не осталось.

Уже смеркалось, небо будто выкрасили бледной губной помадой. С началом осени кучевые облака, грозящие дождем, пропали, и повсюду виднелись облака других всевозможных видов и форм.

В памяти Каэдэ вдруг всплыло одно воспоминание, связанное с дедом.

Это случилось двадцать три года назад, когда Каэдэ исполнилось четыре. Устроившись на коленях у деда, сидящего со скрещенными ногами на открытой веранде-энгава, она не сводила глаз с неба, окрашенного в яркий мареновый цвет. Взгляд ясных, исполненных интеллекта глаз деда был направлен на пол рядом с его коленями.

— Каэдэ, ну-ка, на что похоже каждое из вон тех облаков? Попробуй сочинить историю про все эти облака сразу.

Сейчас она сказала бы, что это было, как сандай-банаси в ракуго — импровизация на три темы, заданные зрителями искусному рассказчику.

Рассчитывал ли он, что воображение Каэдэ расправит крылья? Видимо, таким образом дедушка старался помочь ее эмоциональному развитию.

Она отозвалась сразу же, не раздумывая:

— Вон то облако — Маленький дедушка. А вон там — Плоский дедушка. А там... м-м... самое большое облако — это дедушка, который толще моего.

И хоть дедушка и сказал, что так истории не сочиняют, он все же расплылся в улыбке. А потом, к удивлению Каэдэ, взял и сам вместо нее сочинил экспромтом детскую сказку под названием «Три дедушки». Подробности этой истории уже забылись. Однако ненасытный Толстый дедушка слопал все лекарство от простуды в мире, перепутав его с сахаром, над ним немилосердно потешались, а он в итоге прожил дольше всех — вот таким остался в памяти Каэдэ финал.

Возможно, сказка должна была послужить уроком Каэдэ, которая не терпела горькие порошки от простуды. Так или иначе, рассказ получился настолько увлекательным, что девочка хлопала в ладоши от радости.

— Смотри, Каэдэ! Ты только погляди!

Подняв глаза к небу, она увидела, что на нем осталось только самое большое облако, то есть Толстый дедушка, а Маленький и Плоский дедушки рассеялись прямо как туман. Значит, недаром у сказки такое окончание?

Ошеломленная Каэдэ раз за разом переводила беспоконный взгляд с деда на небесного Толстого дедушку и обратно. Если так подумать, дед наверняка в тот раз украдкой поглядывал на небо, проверяя, как там дела у облаков, пока продолжал сочинять сказку. И если бы Маленький и Плоский дедушки продержались до самого конца, сюжет, несомненно, изменился бы до неузнаваемости.

— Дедушка, а расскажи мне еще сказку, а не то...

Малышка Каэдэ, глядя на деда снизу вверх, дернула его за волосок, растущий из родинки на кадыке. Ей отчетливо помнилось, как волосок неожиданно легко выпал, позабавив ее, и как весело она смеялась.

«А вдруг это сделала я еще в тот раз? — задумалась Каэдэ. — Может, так я и отняла у дедушки его здоровый ум?»

Странности в поведении деда стали очевидными лишь полгода назад. Когда Каэдэ водила его на прогулку, то заметила, что его шаги стали короткими, семенящими.

— Дедушка, ты что же это, растолстел сильнее, чем кажется? Если ноги еле тащишь?

Дед склонил голову набок и с горькой улыбкой, полной насмешки над собой, ответил, что состарился.

Поначалу и Каэдэ считала — нет, надеялась, — что все дело в избыточном весе или солидном возрасте. Но с тех пор прогрессирующее ускорилось. Когда дед пил любимый кофе, рука, в которой он держал чашку, мелко и непрерывно тряслась. Заходя к нему в гости, Каэдэ всякий раз заставляла его в кабинете,

сонно клюющим носом в кресле. Он постоянно сутулился, и что бы ни делал, движения его были вялыми и замедленными.

Но нет, и это было еще не самое худшее.

Худшим, что Каэдэ, наверное, ни в жизнь не смогла бы забыть, стало потрясение, которое она испытала однажды.

Поздно ночью зазвонил ее телефон. Когда Каэдэ, протирая заспанные глаза, ответила на звонок, ее собеседник, судя по голосу, молодой мужчина, неловким почему-то тоном представился: «Э-эм, это из службы экстренной медицинской помощи». И продолжал в том же духе, смущаясь и то и дело запинаясь:

— Можно поговорить с Каэдэ-сан лично?.. А, ну да, конечно. Видите ли, ваше имя и номер значатся в памятке с контактной информацией для экстренных случаев, которая приклеена к стене, потому и звоню. Вообще-то это ваш дедушка обратился в экстренную службу по номеру 119. Так что... э-э-э... ну и вот.

— Извините, да что случилось?

— Он сказал: «Каэдэ лежит здесь вся в крови».

В клинике, куда обычно ходила Каэдэ, предположили, что это болезнь Паркинсона, но поскольку не были уверены в диагнозе, то порекомендовали обратиться в крупное медицинское учреждение.

В больнице при университете деда тщательно обследовали, в том числе сделали компьютерную томографию.

И выдали результат, не обращая внимания на деда, который крепко уснул в кресле, молодая женщина-врач как ни в чем не бывало объявила:

— Итак, это деменция с тельцами Леви.